

УДК 159.964.2
ББК 88.6
Ф86

Оригинал-макет подготовлен
издательским центром «НОУФАН»
nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com
+7 (903) 215-68-69

Фрейд, Зигмунд.

Ф86 Психопатология обыденной жизни : [перевод с немецкого] / Зигмунд Фрейд. – Москва : Эксмо, 2015. – 192 с. – (Великие идеи).

ISBN 978-5-699-78220-8

Зигмунд Фрейд — знаменитый ученый, основатель психоанализа. Его новаторские идеи оказали огромное влияние на психологию и всю западную цивилизацию XX века. Среди крупнейших достижений: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений.

«Психопатология обыденной жизни» — второе крупное исследование Зигмунда Фрейда. Эта работа по сей день не утратила своей актуальности, она включена в список ключевых книг по психоанализу.

Фундаментальное понятие этой научной работы — бессознательное: область, в которую вытесняются все подавляемые влечения и желания и которая не поддается контролю сознания. Неосознаваемые мотивы могут не только осложнять человеку жизнь, но нередко становятся причиной невротических расстройств, поэтому Фрейд предложил работать с ними, используя различные методики психоанализа.

Представленный в данном издании перевод «Психопатологии обыденной жизни» был выполнен В. Медемом в начале XX века. Его первая публикация состоялась еще при жизни Зигмунда Фрейда и с его разрешения.

Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

ISBN 978-5-699-78220-8

© ИП Сирота, текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

| СОДЕРЖАНИЕ

Основатель психоанализа 5

Предисловие 6

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

I. Забывание собственных имен 8

II. Забывание иностранных слов 16

III. Забывание имен и словосочетаний 24

IV. О воспоминаниях детства
и прикрывающих воспоминаниях 36

V. Обмолвки 45

VI. Очитки и описки 73

VII. Забывание впечатлений и намерений 83

VIII. Действия, совершаемые по ошибке 109

IX. Симптоматические и случайные действия 129

X. Ошибки 141

XI. Комбинированные дефектные действия 149

XII. Детерминизм. Вера в случайности
и суеверие. Общие замечания 152

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ 189

Зигмунд Фрейд
1856–1939

| Основатель психоанализа

Зигмунд Фрейд — знаменитый ученый, основатель психоанализа. Его новаторские идеи оказали огромное влияние на психологию и всю западную цивилизацию XX века. Среди крупнейших достижений: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений.

1856 — Зигмунд Фрейд родился в чешском городе Фрайберг в семье небогатого торговца.

1859 — После разорения семья переехала в Лейпциг, позднее — в Вену. Зигмунд был способным ребенком, он поступил в гимназию на год раньше срока.

1873 — Зигмунд Фрейд принят на медицинский факультет Венского университета.

1876 — Написал свою первую научную работу в Институте зоологических исследований Триеста.

1881 — Получил научную степень доктора. После этого начал работать в Венской городской больнице.

1885—1886 — Стажировался в Париже у известного врача-психиатра Жана Шарко, где занимался исследованием гипноза.

1886 — Фрейд вернулся в Вену, занялся частной практикой и женился на Марте Берней. В их семье родилось шестеро детей.

1895 — Опубликована совместная книга Зигмунда Фрейда и его коллеги Йозефа Брейера «Исследование истерии». Позже эту публикацию назвали «днем рождения психоанализа».

1899 — Фрейд закончил работу над «Толкованием сновидений». Его идеи начали приобретать популярность. В последующие десятилетия он написал множество книг и статей.

1938 — Из-за гонений на евреев Фрейд был вынужден переехать в Англию.

1939 — После нескольких лет борьбы с мучительной болезнью Зигмунд Фрейд скончался, приняв морфий.

| Предисловие

«**П**сихопатология обыденной жизни» — второе крупное исследование Зигмунда Фрейда, завершённое им в 1901 году и опубликованное в 1904-м. Книга 11 раз переиздавалась при жизни автора и неоднократно выходила в различных издательствах в наше время. Эта работа по сей день не утратила своей актуальности, она включена в список ключевых книг по психоанализу.

Книга составлена из эссе, большая часть которых появлялась в периодической печати, неизменно вызывая бурную реакцию как специалистов, так и читающей публики. Само название содержит провокационное сочетание слов: «психопатология» и «обыденная жизнь». Зигмунд Фрейд одним из первых стер грань между нормой и отклонением. «Мы все более или менее невротичны», — писал он.

Фрейд утверждал, что ошибки, совершаемые человеком в речи и действиях (оговорки, описки, забывание слов, утеря вещей, ошибочно совершенные поступки), — это показатель неосознанных желаний. По его предположению, исследуя подобные действия, можно проникнуть в тайны бессознательного, разобраться в скрытых внутренних конфликтах и стремлениях человека, которые были подавлены.

Доказывая свою теорию, Фрейд приводит многочисленные примеры из собственной жизни и жизни своих друзей и близких. Он не обращается к случаям из своей врачебной практики, подчеркивая тем самым, что это книга об обычных людях, а не о пациентах психиатра.

Фундаментальное понятие этой научной работы — бессознательное: область, в которую вы-

тесняются все подавляемые влечения и желания и которая не поддается контролю сознания. Несоознаваемые мотивы могут не только осложнять человеку жизнь, но нередко становятся причиной невротических расстройств, поэтому Фрейд предложил работать с ними, используя различные методики психоанализа.

Представленный в данном издании перевод «Психопатологии обыденной жизни» был выполнен В. Медемом в начале XX века. Его первая публикация состоялась еще при жизни Зигмунда Фрейда и с его разрешения.

Психопатология обыденной жизни¹

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.

*И. В. Гёте «Фауст»
(II часть, V акт)*

I. Забывание собственных имен

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости». Содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней на примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление — временное забывание собственных имен — и пришел к тому выводу, что этот весьма обыкновенный и не особо важный с практической точки зрения вид расстройства одной из психических функций (способности припоминания) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое имя, ограничится скорее всего простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти,

¹ «Zur Psychopathologie des Alltagslebens», 1904, пер. В. Медема под ред. С. В. Черно.

нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих эту своеобразную особенность собственных имен. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательного изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаружившиеся с достаточной ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с *позабыванием* наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные*, имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, претерпевает как бы некоторый сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в закономерных и поддающихся научному учету рамках. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена стоят в известной, могущей быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на сам феномен забывания имен. В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, было забыто имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени — Синьорелли — мне упорно приходили в голову два других — Боттичелли и Больтраффио. Эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, а когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям

и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени претерпело подобного рода сдвиг (Боттичелли и Больтраффио вместо Синьорелли), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той комбинации, в которой оно должно было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (Боттичелли) и несравненно лучше, нежели второе подставное имя — Больтраффио. Об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь то, что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается контекста, в котором находилось данное имя, то он носил ничего не значащий характер и не давал никаких нитей для выяснения вопроса: мы ехали верхами с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески... NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал предо мной, как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются пред судьбой. Когда общаешься им, что больной безнадежен, они отвечают: «Господин, о чем тут говорить? Я знаю, что если бы его можно было спасти, ты бы спас его». Здесь, в этом

разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена — Босния и Герцеговина (*Herzegovina*), господин (*Herr*), — которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена *Signorelli* (*signor* — господин), Боттичелли и Больтраффио.

в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей мысли благодаря тому, что я отвлек от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше

« *Бессознательные мысли находят себе выражение необычным путем, посредством внешних ассоциаций, в форме модификации других мыслей* »

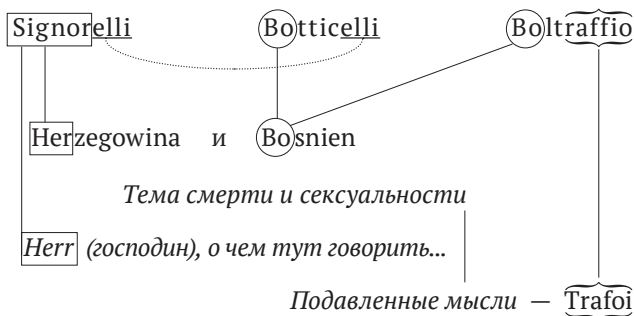
всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему однажды: «Ты знаешь, господин (*Herr*), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я воздержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я отклонил свое внимание и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и сексуальность». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в местечке *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неисцелимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* — *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, не-

смотря на то, что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного *мотива*. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоциировавшиеся в свою очередь с известием, полученным мною в *Trafoi*. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, невóльно я забыл другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и о том, что я позабыл: они показывают таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой «смерть и сексуальность». Имена *Босния*, *Герцеговина* и *Trafoi* относятся к ней же. Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя *Signorelli* разложилось при этом на две части. Последние два слога (-elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (*Botticelli*), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (*signor* — *Herr*), вступили в этом

виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (*Herr, Herzegowina*), и благодаря этому оказались также вытесненными из памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя *Синьорелли* заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадений одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы — вытесненную и следующую, — установить на первых порах не удалось.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у психологов взгляду на акт воспроизведения и забывания как обусловленный известным соотношением и расположением психических элементов. Мы лишь присоединили к этим обычным, давно признанным, моментам для некоторых случаев еще один момент — *мотив*; и кроме того, выяснили механизм неправильно-го припоминания. Что же касается до того «расположения», о котором говорится обычно, то оно необходимо

и в нашем случае, ибо иначе вытесненный элемент вообще не мог бы вступить в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым вовлечь его в круг вытесняемого. Быть может, если бы дело шло о каком-либо другом имени, более приспособленном для воспроизведения, это явление и не имело бы места. Ибо вполне вероятно, что подавленный элемент постоянно стремится каким-либо иным путем пробиться наружу, но удается это ему

« **Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит** »

лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, подавление может произойти и без функционального расстройства или, как мы могли бы с полным правом сказать, без *симптомов*.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получим: 1) определенное расположение, благоприятное для позабывания; 2) подавление, имевшее место недавно, и 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом. Впрочем, этому последнему условию вряд ли приходится приписывать особое значение, ибо требования, предъявляемые к ассоциативной связи, столь невелики, что установить ее можно в большинстве случаев. Другой вопрос — и вопрос более глубокий — это действительно ли достаточно одной внешней ассоциации для того, чтобы вытесненный элемент мог помешать воспроизведению искомого имени, и не требуется ли иной, более интимной связи между обеими темами. При поверхностном наблюдении это последнее требование кажется излишним, и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают кроме того некоторой связью и по своему содержанию,

и в нашем примере с именем *Синьорелли* также можно вскрыть подобную связь.

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа, зависит, конечно, от того, является ли данный пример (*Синьорелли*) типичным или единичным. Я, со своей стороны, утверждаю, что процесс позабывания и неправильного воспроизведения имен совершается сплошь и рядом именно так, как в данном случае. Почти каждый раз, как мне случалось наблюдать это явление на себе самом, я имел возможность объяснить его именно указанным образом: как акт, мотивированный вытеснением. Должен указать и еще на одно соображение, подтверждающее типичский характер нашего наблюдения. Я думаю, что нет основания делать принципиальное различие между теми случаями позабывания, когда оно связано с неправильным воспроизведением имен, и простым позабыванием, не сопровождающимся подставными именами. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать напряжением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение в этом процессе всплывания имеют, по-видимому, два момента: напряжение внимания с одной стороны, а с другой — некоторое внутреннее условие, относящееся уже к свойствам самого психического материала (это, возможно, та степень легкости, с какой создается между обоими элементами необходимая внешняя ассоциация). Таким образом, немалое количество случаев простого позабывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример *Синьорелли*. Я не решусь утверждать, что к этому разряду могут быть отнесены все случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: *наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение.*

II. Забывание иностранных слов

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в условиях нормального функционирования памяти. Иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранными. Предрасположение к их позабыванию существует в отношении всех частей речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в неравномерности нашей готовности использовать иностранные слова в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Позабывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт нами в примере *Синьорелли*. Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего ценные особенности случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил — опять-таки во время вакационного путешествия — знакомство с одним университетски образованным молодым человеком, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись — не помню уже почему — социального положения той народности, к которой мы оба принадлежим, и он, как человек честолюбивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, «на захирение», не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь известным стихом из *Виргилия*, в котором несчастная *Дидона* завещает грядущим поколениям отмщение *Энею*: